

Наталия Антонова

**СОН БЕЗ
ПРОБУЖДЕНИЯ**

Наталия Антонова

Сон без пробуждения

«Четыре четверти»

Антонова Н. Н.

Сон без пробуждения / Н. Н. Антонова — «Четыре четверти»,

ISBN 978-985-7058-47-1

Подруга Марины погибла при загадочных обстоятельствах. Не надеясь на успех полиции в расследовании этого дела, Марина обращается в частное детективное агентство «Мирослава». Сотрудники агентства Мирослава Волгина и Морис Миндаугас соглашаются помочь... Распутывая клубок сложных взаимоотношений в семье Марины, ее окружении, обстоятельства личной жизни и в особенности вечера, предшествовавшего трагедии, детективы и следователи приходят к выводу: Марина – главная подозреваемая. Только чутье Мирославы Волгиной спасает ситуацию. Не сбрасывая со счетов основную версию, она прорабатывает и другие. И вот убийца установлен; он заслуживает самого строгого наказания. Но будет ли вердикт правосудия строже, чем тот, который он вынес себе сам?.. Роман, написанный в лучших традициях детективного жанра, увлекает еще и возможностью примерить на себя чужую судьбу, поразмыслить, что движет поступками героев и как они отразятся на их судьбе. И, как надеется автор, хоть немного поучиться не на своих, а на чужих ошибках.

ISBN 978-985-7058-47-1

© Антонова Н. Н.
© Четыре четверти

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	22
Глава 4	27
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Наталия Антонова

Сон без пробуждения

Роман

© Антонова Н. Н., 2016

© Оформление. ОДО «Издательство “Четыре четверти”», 2016

Глава 1

Шура Наполеонов стоял у окна и смотрел на крупные хлопья падающего снега.

Слабые отблески неровного сияния уличных фонарей делали сквер перед отделением полиции похожим на волшебное заснеженное царство сказочных грез. Смутные очертания посеребренных деревьев и кустарников казались удивительными созданиями, готовыми вот-вот ожить при прикосновении лунного луча.

Экзотическими животными застыли скамейки, утопающие в снегу, легкий снегопад завораживал прозрачностью.

Над чашей спящего фонтана клубились серебряные искры. Забавлялся ли таким образом ветер, или некто иной, невидимый, блуждал в заснеженном сквере...

– Кажется, я разомлел от тепла, – подумал Шура, отворачиваясь от окна.

Градоначальник в этом году, действительно, не оплошал, и в помещениях было не просто тепло, а даже душно. В то время, как некоторые города заснеженной России замерзали, родной город Шуры мигал сонными окнами прогретых квартир.

Морозы не ослабевали уже больше месяца, и выходить на улицу не хотелось, особенно ночью. Но Шура Наполеонов не расслаблялся. Он не первый год служил в полиции и не помнил, чтобы хоть одно дежурство прошло спокойно.

Шура прошелся взад-вперед по помещению и уселся за пульт оперативного дежурного. На часах было 24.00. Спать не хотелось. Сказывалась привычка к ночным бодрствованиям.

Шура – по паспорту Александр Романович Наполеонов, – несмотря на нелегкий характер, маленький рост и непривычную для российского гражданина фамилию, довольно быстро дослужился до капитана и пользовался уважением среди сослуживцев.

Эксперт Афанасий Гаврилович Незовибатько отбросил в сторону надоевшую газету и сладко потянулся.

– Ну и погода сегодня, – проговорил он, – прямо-таки ночь перед Рождеством!

– Ага, сколько живу, такой красоты не помню, – охотно отозвался самый младший из них – Валерьян Легкоступов, первоклассный фотограф.

Что привело его в полицию? Романтика... А может, тяга к справедливости.

Судмедэксперт Руслан Каримович Шахназаров на миг поднял глаза от книги. Улыбка, скользнув по его губам, спряталась в густых черных усах.

– А снег-то какой скрипучий! – продолжал восхищаться Афанасий Гаврилович, – вроде никто и не ходит под окном, а снег сам по себе скрип да скрип! Прямо как в детстве в Полтаве! Хаты в снегу утонули... Ночь ясная... Звезды громадные... И висят низко, точно яблоки наливные. Поднимись на крышу и собирай, сколь душе угодно.

– А как же Солоха? – встрял Легкоступов.

– Что Солоха? – изумился Афанасий Гаврилович.

– Ну, она же месяц украла и стало темно во всей Диканьке.

– Это не Солоха, – не выдержал старший лейтенант Аветик Григорян.

– Кто же?!

– Чубайс! – на полном серьезе заявил Шура Наполеонов, – вырубил свет и все!

– Слава Богу, до месяца Чубайс еще не дотянулся, – важно заметил Афанасий Гаврилович, – так что, хлопцы, это был черт.

– Да! – выдохнули все разом.

И в это время раздался звонок на пульт оперативного дежурного.

– Легок на помине, – пробормотал Незовибатько.

– Да? – схватил трубку Наполеонов.

– Алло! Полиция?! – раздался в трубке хриплый голос, – у нас, кажется, убийство. Приезжайте быстрее!

– Ваш адрес и имя.

– Ах, да. Парковая, 38. Замятин Владимир Львович.

– Кто потерпевший?

– Приезжайте скорее!

На том конце провода бросили трубку.

– Черт! – выругался Шура.

– Вот-вот, – пробормотал Незовибатько.

Полицейские вышли на улицу.

Уже никто не обращал внимания на красоту зимней ночи, хотя снег по-прежнему горел серебряной парчой и мелодично поскрипывал под ногами. Месяц с неба никто не похитил, он ярко освещал медленно кружащиеся снежные звездочки и озабоченные лица оперативников, спешащих к «уазику».

Через минуту полицейский автомобиль тронулся с места.

Несмотря на заносы на дорогах, до Парковой, 38 они добрались за двадцать минут.

Улица состояла из двух- и трехэтажных особняков. Люди в них жили далеко не бедные. Тополя, дремавшие по обеим сторонам дороги, встрепенулись и расступились. За высокими заборами залаяли волкодавы.

Ворота перед домом № 38 были распахнуты.

– Приехали, – бросил Легкоступов. «Уазик» остановился.

По расчищенной до крыльца дороге опергруппа подошла к дому. Безмолвствовал утопающий в снегу сад. На крыльце никого не было. Эксперт нажал на звонок.

– Открыто, – донесся голос из глубины дома. И кто-то вышел навстречу приехавшим полицейским. Это был молодой мужчина с довольно правильными чертами лица и темными волосами.

– Идемте, пожалуйста, – он махнул рукой, – она на втором этаже.

– «Скорую» вызвали? – спросил Наполеонов.

– Да, она не понадобилась. Уже уехали.

Опущенные плечи явно уменьшали рост мужчины.

На втором этаже все двери, кроме одной, распахнутой настежь, были закрыты.

– Вот, – устало выдохнул мужчина и прислонился к косяку.

На кровати лежала красивая девушка в светло-коричневом брючном костюме. Казалось, что она спала...

Ни единого пятнышка крови, ни беспорядка в одежде.

Наполеонов предъявил удостоверение.

– Вы хозяин дома? – спросил он. – Ваше имя?

– Хозяин дома – мой отец, Замятин Лев Наумович.

– Звонили вы?

– Да. Я – Замятин Владимир Львович.

– Кем приходится вам потерпевшая?

– Она... она, – мужчина судорожно вздохнул, – моя невеста.

– И что случилось?

– Не знаю. Но... но... она умерла! – сорвался он на крик.

– Есть еще кто-нибудь в доме?

– Да, мой отец и...

Замятин закрыл лицо руками и, не стесняясь присутствующих оперативников, зарыдал.

– Что? Что теперь будет? – прорывалось сквозь рыдания, – все рухнуло! Все!

– Успокойтесь, – Наполеонов дотронулся до плеча женщины, – возьмите себя в руки.

– Да, да, я сейчас. Простите. Лена, она...

– Ваша невеста, – продолжил Наполеонов. – В доме находится ваш отец. И кто еще?

– Моя мачеха. С ней нервный припадок. Лена была ее давней подругой. Они и в школе вместе учились.

– Так, – подумал Наполеонов, – у Замятина-старшего молодая жена. А вслух спросил: – Ваш отец в комнате жены?

– Да, – кивнул Владимир, – ей совсем плохо, но врачи сделали укол и сказали, что она скоро успокоится.

– В доме больше никого нет?

– Есть. Брат мачехи. Сергей. Он... Он тоже с ней.

– А домработница? Или еще кто-то в этом роде? – Наполеонов поморщился, как от зубной боли.

– Нет, все ушли рано вечером. Они живут здесь недалеко в поселке... и предпочитают приходить утром.

Замятин сделал глубокий вдох, – а отец...

– Что отец? – поторопил его капитан.

– Отец считает, что так даже лучше.

– Аветик! – позвал Наполеонов лейтенанта.

– Да?

– Из дома никого не выпускать.

– Хорошо, – Григорян спустился вниз.

Шахназаров раскрыл свой чемоданчик, склонился над кроватью.

То, что девушка мертва, не вызывало сомнений.

Незовибатько тоже раскрыл свой чемоданчик. В комнате запахло химическими реактивами. Афанасий Гаврилович замахал кисточкой с порошком. Время от времени он вздыхал и покрывал, но никто не обращал на это внимания, так как у Незовибатько была такая манера работы... Добрейшей души человек, он до сих пор не мог привыкнуть к убийствам.

Защелкал фотоаппарат Легкоступова, ослепляя присутствующих голубыми вспышками.

– Рустам Каримович, – обратился Валерьян к судмедэксперту, – вы закончили?

– Что такое? – вскинул брови Шахназаров.

– Я хотел подушку поправить и волосы убрать с лица.

– Это еще зачем?

– Ну, чтоб красивее было.

– Легкоступов! – рявкнул Шура, – нам не надо красиво! Сколько раз тебе говорить! Не с фотомоделью работаешь! Фотографируй, как есть!

– Воля ваша, барин, – огрызнулся Легкоступов. – Никакой фантазии, – пробурчал он себе под нос.

– Что? – спросил Шура.

– Ничего, господин капитан. Выполняю ваше приказание.

Шура Наполеонов молча наблюдал за работой оперативников. Он понимал, что отпечатки пальцев мало чем могут помочь в этом деле.

– Несомненно, в комнате побывала вся семейка, – подумал он.

– Александр Романович, – окликнул его Шахназаров.

– Ну что?

– Время смерти – не больше полутора – двух часов назад. После вскрытия – более подробно.

Владимир Замятин стоял, прислонившись к косяку, и, казалось, ничего не видел вокруг.

– Владимир Львович! – позвал его Наполеонов и подумал: – Надо же, так убивается, бедняга.

Замятин стоял все в той же позе, голова его свесилась на грудь.

– Черт! – выругался про себя Наполеонов, – не хватало только, чтобы этот детина в обморок рухнул!

Он взял Замятина под руку и усадил в кресло.

Легкоступов хмыкнул и тут же сделал серьезное лицо.

Действительно, несмотря на трагичность ситуации, трудно было сдержать улыбку, видя, как Шура Наполеонов, рост которого едва доходил до ста шестидесяти сантиметров, усаживает в кресло двухметрового Замятина-младшего.

– Ну, все, – облегченно вздохнул Наполеонов, – скажите, когда вы обнаружили, что ваша невеста... – он искал слова поделikatнее, – не подает признаков жизни?

– Когда заметили? – машинально повторил Замятин.

Владимир Львович помолчал и облизал губы.

– Я... я не помню точно, сколько было времени... Понимаете, у нас была помолвка. Мы допоздна праздновали вчера. Ну, и...

– Переутомились, – помог ему Наполеонов.

– Да, – согласился Замятин, – можно и так сказать. Завтрак был поздний. Потом Леночке, – он судорожно вздохнул, – пришла в голову мысль покататься на лыжах.

– Так, – Шура внимательно слушал.

– Здесь парк недалеко, – Замятин посмотрел на Шуру.

Шура кивнул.

– Мы... мы хорошо отдохнули. Вернулись домой веселые, но уставшие. Пообедали и разбрелись по своим комнатам.

– Ваша невеста и вы расстались? – уточнил Наполеонов.

– Да, Леночка сказала, что устала и хочет побыть одна. Она хотела вздремнуть. Вечером мы собирались продолжить семейный праздник.

Замятин неожиданно вскочил, но Шурочка снова усадил его в кресло.

– Продолжайте, Владимир Львович, – терпеливо промолвил он.

– В восемь все спустились к ужину. Кроме Леночки...

– Дальше, – сказал Наполеонов.

Мы подождали минут двадцать. Потом Марина решила сходить за ней. Все решили, что Леночка заспалась, и пора ее будить.

Замятин сделал еще одну попытку встать.

– Сидите, – Шурочка придвинул свое кресло вплотную к креслу Замятина.

– Марина долго не возвращалась. Но мы не особо тревожились.

– Почему?

– Они подруги. И вообще – женщины. Мало ли какие дела, разговоры.

– Понятно, – кивнул Шура.

– Но вдруг Марина ворвалась в гостиную вся какая-то растрепанная, со слезами на глазах. Она кричала, что никак не может разбудить Лену.

– Папа попытался нас успокоить, но мы все побежали вверх. И отец, он тоже поднялся следом. Я первый подбежал к постели и попытался приподнять Лену, но она вся была, как тряпичная кукла. Мы ничего не соображали, пытались привести ее в чувство. Потом отец вызвал «Скорую». Она приехала минут через сорок. И... ничем не смогла помочь. Тогда я вызвал вас.

– Это все?

– Да, – Замятин снова зарыдал.

– Слушай, Руслан Каримович, дай ему что-нибудь, – обратился Шура к Шахназарову.

- Попробую...
- Руслан Каримович, мне не нужен еще один труп.
- Мне тоже, – Шахназаров задумчиво порылся в кармане.
- Пора опросить других свидетелей, – решительно заявил Наполеонов и вышел в коридор. За одной из дверей слышались всхлипы. Шурочка постучал и тут же распахнул ее.

Глава 2

Зима в этом году в России выдалась суровая.

По-видимому, жители средней полосы просто вынудили ее обрушиться на города и села тридцатипятиградусные морозы и снегопады, по обильности превышающие норму в несколько раз. Уж очень надоели они зиме своими причитаниями и жалобами на прежние теплые сезоны. Ну не нравились народу дожди в декабре и оттепели в январе! Им подавай Рождественские морозы и сугробы, как в сладостно приукрашенном детстве.

И довздыхались усатые дяденьки и высокогрудые тетеньки: «Ах, какие раньше стояли морозы! Я помню, мы в школу по неделе не ходили. Целый день во дворе играли! Лепили снеговиков и катались с горок. А какие были снега! Утром встанешь, а дверь не открыть, так ее снегом завалило. Что же теперь?! Одна сырость. Всю атмосферу испортили». И так далее, и в таком же духе.

Ясно, что сердце у зимы не железное, а снежное, вот и откликнулась она на просьбы трудящихся – и морозы даровала, и снегопады.

Народ, естественно, снова не доволен! Трубы центрального отопления, не отремонтированные с того самого сладостного детства усатых дяденек и высокогрудых тетенок, морозов не выдерживают и лопаются, снегоочистительная техника не справляется со снегом, который валит день и ночь, на дорогах пробки.

Дети, правда, в школу из-за морозов не ходят, но ведь у них и так каникулы.

В общем, перестаралась зима. Хотела, как лучше...

Морис Миндаугас сидел в кресле возле камина и смотрел на покачивающиеся в ритмичном танце языки огня.

В доме детектива Мирославы Волгиной было тепло от горячей воды, наполняющей батареи. Дом был ее собственный, и поэтому все в нем было так, как надо.

Однако Мориса всегда тянуло к камину. Он мог часами, не отрываясь, смотреть на огонь и думать о своем.

Морису не спалось этой ночью, и он коротал время за чтением, на его коленях лежала прочитанная до середины книга Е. П. Карновича «Любовь и корона». Судьба брауншвейгского семейства взволновала Мориса. Ему было искренне жаль Анну Леопольдовну, ее несчастного мужа, принца Антона Ульриха, и их многочисленных детей. Елизавета же Петровна была ему глубоко несимпатична.

На каминной полке тихо тикали часы.

В бледно-голубом небе на западе все еще виднелась половинка луны, а на востоке вспыхнула нежным румянцем утренняя зоря.

Миндаугас услышал легкий шорох за спиной и обернулся.

Большой пушистый кот Дон, быстро пробежав по ковру, присел на миг и запрыгнул к Морису на колени. Отблески пламени отразились в желтых глазах кота, и они вспыхнули ярким янтарным блеском. Дон привстал на задние лапы и ткнулся мокрым носом в щеку Мориса. Ласково потерся и, устроившись на коленях поудобнее, замурлыкал.

Морис провел ладонью по густой черной шерсти Дона.

В доме детектива Дон был священным животным и всеобщим любимцем, почти все его капризы и желания исполнялись.

Иногда Морис шутил: «Дон – уменьшенная копия своей хозяйки в кошачьем обличьи, только характер у него лучше».

– Ну что, – сказал Миндаугас, – по-моему, твоя хозяйка уже проснулась. Пойдем-ка, дружище, готовить завтрак.

Морис опустил кота на пол и вышел из гостиной. Дон последовал за ним.

Когда Мирослава спустилась в столовую, завтрак, как всегда, был готов.

– Доброе утро, – сказала она, обращаясь к Морису, – как спалось?

– Не очень, – улыбнулся он. – Бессонница...

– А я заснула, едва коснувшись головой подушки, – призналась Мирослава.

Дон терся о ноги хозяйки, требуя немедленного внимания.

Она взяла его на руки, крепко прижала к себе и уткнулась носом в густую шерсть.

– Ты опять пахнешь взбитыми сливками, – выдохнула Мирослава и опустила разомлевшего кота на пол.

– Ты, наверное, опять читал до полночи? – обратилась она к Миндаугасу, выпив стакан томатного сока.

– В общем, да, – кивнул Морис, только не до полуночи, а после нее.

– И что на этот раз? – заинтересованно спросила Мирослава, принимаясь за овсянку с медом и орехами.

– Карновича «Любовь и корона». Надеюсь, что вы тоже прочтете.

– Интересно?

– Не то слово, хотя в наше время редко кто его читает. Он был известен в XIX веке. И, кстати, писал не только занимательно, но, на мой взгляд, не отступая от исторической достоверности. Хотите, я вам перескажу?

– Нет, не надо. Ты меня заинтриговал, лучше я сама прочту.

– Не разочаруетесь. Я дочитаю и положу книгу вам на стол.

Мирослава едва заметно улыбнулась. Морис частенько рекомендовал ей прочесть ту или иную книгу, приобретенную им, и ни разу, пробегая глазами страницы, Мирослава не обманулась в своих ожиданиях. На Мориса можно было положиться... И не только в выборе книг.

Работа детектива нелегка и часто непредсказуема. Теперь она даже не могла представить, как раньше справлялась со всем одна.

Морис, став сотрудником детективного агентства, оказался незаменимым помощником. Теперь она уже не могла вообразить своей работы без его участия.

Завтрак подходил к завершению, когда неожиданно раздался звонок.

Сначала один – несмелый, потом второй – сильнее и продолжительнее, словно звонивший боялся испугаться собственной решительности.

– Кто бы это мог быть так рано? – обронила Мирослава, взяв чашку своего любимого зеленого чая с жасмином.

– Думаю, что клиенты, – улыбнулся Морис и отправился открывать дверь.

Набросив в прихожей на широкие плечи легкую шубу, Морис вышел на крыльцо. Он не спеша спустился по ступеням и по дорожке, очищенной от снега, направился к воротам.

Дон, распушив огромный хвост, важно шествовал за ним.

Когда ворота неслышно разошлись в стороны, Морис увидел перед собой молодую женщину, закутанную в соболя. Она смотрела на Миндаугаса огромными, широко поставленными глазами. На бледном лице выделялись ярко накрашенные губы.

Женщина зябко куталась в меха, ее плечи подергивались, точно незнакомка дрожала от холода. Но Морис догадался, что это нервная дрожь.

Позади незнакомки стоял роскошный белый «Мерседес».

Тонкой змейкой скользнула по губам Миндаугаса улыбка. При этом глаза цвета Балтийского моря оставались серьезными.

– Добрый день, – сказал Морис, так как незнакомка продолжала молчать.

– Я бы так не сказала, – тихо сорвалось с ее губ. – Мне нужна Мирослава Волгина.

– Проходите, пожалуйста.

– Благодарю.

Она пошла к дому, оставляя на дорожке маленькие следы.

Морис подумал, что размер ее обуви не больше 36. Изящные ножки в духе XIX века.

Поднявшись на крыльцо, она внезапно обернулась. Так быстро, что ее лицо почти коснулось шубы Мориса. Миндаугас отступил на шаг. Он не любил, когда расстояние между ним и другим человеком было слишком коротким.

– Что случилось? – спросил он.

– Ничего, – ее глаза странно блеснули, – вы ее охранник?

Морис рассмеялся:

– Нет.

– Муж?

– К сожалению, нет.

– Значит, вместе работаете?

– Вы удивительно догадливы, – усмехнулся он.

– Меня зовут Марина.

– Морис Миндаугас, – представился он. – Пойдемте в дом.

– Прошу, – он распахнул дверь, пропуская ее вперед, оглянулся, подхватил на руки Дона, соизволившего, наконец, с венценосной грацией взойти на крыльцо.

Кот недовольно мяукнул. Его хвост метался, как пиратский флаг на ветру.

Опустив кота на пол, Морис помог незнакомке выбраться из ее мехов.

– Кот черный, – прошептала она.

– Ну и что с того? – усмехнулся Морис, – африканцы тоже черные, что ни одному разумному белому не мешает.

– Вы, кажется, сердитесь, – сказала она растерянно, – я не хотела вас задеть, просто...

– Все мы с детства напичканы суевериями, – примирительно подвел итог Миндаугас.

– Да, наверное, вы правы. Вы литовец?

Морис расхохотался.

– Милая дама, не собираетесь ли вы утверждать, что боитесь литовцев так же, как черных котов?

– Нет, конечно, – Марина невольно улыбнулась в ответ, – просто, когда нервничаю, всегда болтаю глупости. Я прощена?

– Вполне.

Морису хотелось поскорее доставить гостью в кабинет Мирославы.

Они почти поднялись на второй этаж, когда Марина замедлила шаг и, пытаясь заглянуть в глаза Миндаугаса, тихо сказала:

– Вы похожи на викинга. Вам никто не говорил этого? – ее голос понизился до шепота.

– Не понимаю, – обронил Морис.

– Вы всегда такой?

– Какой? – спросил он безразлично.

– Холодный! – в ее голосе чувствовалось раздражение.

– Возможно.

– Ну, вот мы и у цели, – он распахнул дверь в приемную.

– Прошу вас, подождите здесь немного, – жестом он указал ей на мягкие кресла и диван.

Она осталась стоять. Морис пожал плечами и, постучав, вошел в кабинет Мирославы.

– К нам клиентка, – сказал он, плотно прикрыв за собой дверь.

– Что-то не так? – поинтересовалась Мирослава.

– Ничего особенного... Кроме того, что она прямо с ходу принялась испытывать на мне действие своих чар.

– Преуспела? – улыбнулась Волгина.

Морис приподнял правую бровь.

– Вы шутите, уважаемый работодатель?! – его глаза заискрились, – я же холоден, как море Балтики.

– Ну, море-то, предположим, не всегда холодное, – усмехнулась Мирослава. – Ладно, – она погасила улыбку, – зови клиентку. Пора узнать, что ее привело к нам.

Миндаугас пригласил молодую женщину в кабинет детектива и собрался уйти.

– Останься, пожалуйста, – попросила его Мирослава.

– Вы – Волгина Мирослава Игоревна, – сказала вошедшая скорее утвердительно, чем вопросительно.

– Да, садитесь...

– Я – Замятина Марина Ивановна. И у меня к вам очень важное дело.

Мирослава молча кивнула.

Клиентка бросила быстрый взгляд на Мориса, стоявшего у окна, достала из сумочки сигареты и зажигалку.

– Извините, но у нас не курят, – сказала Мирослава.

– Да?... – растерянно произнесла Замятина. Она бросила обратно в сумочку сигареты и зажигалку. Щелкнула замком.

– Понимаете, мне трудно начать!

– Вы уже начали, Марина Ивановна, поэтому просто расскажите обо всем по порядку.

– По порядку?! – перебила ее Замятина. – Понимаете, мой муж очень богат! Он предприниматель. Он добрый, хороший человек. Я имею в виду со мной, – быстро добавила она и облизала губы.

Мирослава поощрительно кивнула.

– Пусть он уйдет! – неожиданно сказала Замятина.

– Кто? – удивилась Мирослава.

– Ваш партнер.

– Но...

– Пожалуйста! – голос клиентки, казалось, надломился от усилия и отчаяния.

Морис молча покинул кабинет.

Электронное устройство, находящееся на его столе, позволяло быть в курсе дела, даже когда он находился в приемной.

Морис предпочитал не нервировать клиентов, хотя Мирослава порой сознательно выводила кого-нибудь из себя, если считала, что это ускорит решение проблемы или даст выйти на свет тщательно скрываемым фактам.

– Ну вот, мы остались наедине, – сказала Мирослава. – Хотите минералки?

– Нет.

– Что ж, я вас внимательно слушаю.

– Я... я прошу: пусть то, что я вам скажу, останется между нами.

Замятина посмотрела в спокойные глаза Мирославы:

– Понимаете, это очень личное!

Мирослава молча кивнула.

– Я уже говорила, что мой муж Лев Наумович Замятин очень добрый и щедрый человек. Он никогда мне ни в чем не отказывает. Но... он старше меня на двадцать девять лет.

– Бывает, – обронила Мирослава.

– О, нет! Вы не понимаете! Моя мать работала на трех работах, но нам вечно не хватало денег! Я зашивала колготки до тех пор, пока вместо них не оставалась одна только штопка. Кусок колбасы в нашем доме считался роскошью!

– Я понимаю вас, – проговорила Мирослава сочувственно.

– Чтобы понять это, нужно самой пережить! – резко бросила Замятина.

Мирослава не стала спорить.

– И вот однажды у нашей соседки был юбилей. Она попросила помочь ей и обещала заплатить, – Марина перевела дыхание и заговорила чуть медленнее. – Я в тот вечер не вылезала из кухни. Нет, несколько раз помогла отнести гостям приготовленные блюда. Под конец вечера нужно было еще перемыть гору посуды, но я не роптала. Я думала о том, что на деньги, которые даст соседка, смогу купить туфли. Мои старые совсем развалились... Я так погрузилась в свои мысли, что даже не слышала, как на кухню вошел мужчина.

Он улыбнулся и спросил:

– Вас зовут Марина?

Я растерянно кивнула, и тарелка выскользнула у меня из рук. Я застыла от ужаса! Но не поверите! Он ловко поймал ее на лету, не дав дорогому фарфору долететь до пола.

– Меня зовут Лев Наумович, – улыбаясь, представился он, и поставил тарелку на стол. – У вас, Мариночка, – сказал он, – запоминающееся лицо и... я позволил себе расспросить о вас Анастасию Федоровну.

Марина грустно улыбнулась.

– Анастасия Федоровна, это... – произнесла Мирослава.

– Соседка наша. Юбилярша.

Марина встала, быстро прошла по комнате и села на прежнее место.

– В общем, Лев Наумович стал говорить о том, какие у меня выразительные глаза, какой чистый голос. Я совсем растерялась и стояла столбом. Но его это нисколько не смущало. Он поцеловал мне руку и спросил, может ли он зайти ко мне на чашечку чаю.

Я прошептала:

– Не знаю.

Он ответил:

– Вот и хорошо. Значит, завтра в семь.

Падая от усталости, я домыла посуду, взяла врученные соседкой деньги и засобиралась домой.

Соседка в прихожей задержала мою руку в своей и прошептала:

– Мариночка, не будь дуручкой, Лев Наумович тебя озолотит.

От нее так сильно пахло алкоголем, что я поторопилась поскорее освободиться от рыхлых рук и проскользнуть в свою квартиру.

Придя домой, я сразу же легла в постель, но уснуть долго не могла. Вечером я сказала матери, что у нас будут гости.

– Сережа, что ли? – засмеялась она. – Тоже мне гость.

Марина замолчала и уставилась в пол.

Мирослава терпеливо ждала.

Клиентка подняла голову. Ее глаза блестели...

Прошло несколько минут, прежде чем она снова заговорила.

– Сережа – это... Мы с ним знакомы с детства. Вместе ходили в ясли, учились в одном классе. Он тоже рос без отца. Они жили вдвоем с матерью и тоже не шиковали. Но Сережка умудрился окончить школу с золотой медалью, поступил в университет. Где-то вечно подрабатывал. Сначала у нас была детская любовь, а потом... Мы просто жить не могли друг без друга! – Марина вскинула голову. – Мы собирались пожениться, как только Сережа окончит университет и подыщет работу. Ему оставалось учиться еще два года. И тут появился Лев Наумович.

На следующий день вечером он, как и обещал, пришел к нам на чай. Каких только изысканных лакомств он не принес с собой!.. Ведро роз маме, ведро мне. Французские духи... Я быстро опьянела от шампанского, и весь вечер хохотала, как дуручка...

Мама бросала неодобрительные взгляды. А когда он ушел, предварительно пригласив меня в ресторан, промолвила с нескрываемой горечью, что никогда не думала, что ее единственная дочь способна на предательство.

Я жутко разозлилась и стала кричать, что никого не предаю, а просто устала от нищеты и терпеть больше нет сил!

– А как же Сережа? – тихо спросила мать.

– Сережа! – крикнула я запальчиво, – что Сережа?! Что он может мне дать?! И когда?

Мать повернулась и молча ушла. Она не разговаривала со мной несколько дней. Но я и не нуждалась в ее разговорах. Мне было весело! За одним роскошным рестораном следовал другой. Подарки сыпались, как из рога изобилия. Я уволилась с работы. Изменила внешность. И, как мне казалось, поменяла душу.

Сережа пытался поговорить со мной, искал встреч, но я всячески избегала его. Однажды он провел на лестничной площадке всю ночь, и когда утром я возвращалась домой беззаботно-счастливая и слегка опьяневшая, то столкнулась с ним нос к носу. Я ожидала упреков, выяснения отношений. Но ничего этого не было. Он как-то странно посмотрел на меня, повернулся и ушел.

Через месяц Лев Наумович сделал мне предложение. Я согласилась.

Свадьба была грандиозной. Потом мы на два месяца уехали в Европу, и я забыла обо всем. Даже о собственной матери. Все это время я была точно заколдована, явился волшебник из страны грез и стал исполнять все мои желания, даже самые невероятные. Время летело быстро. Лев Наумович не мог отсутствовать бесконечно, и мы вернулись в Россию.

Марина опустила глаза и стала сосредоточенно рассматривать собственные тщательно отполированные ярко-малиновые ногти.

Мирослава терпеливо ждала.

– Мы вернулись, – сказала Замятина и перевела взгляд на Мирославу, – и стали жить в огромном особняке недалеко от Волги. Втроем. У Льва Наумовича сын от первого брака, Владимир. Ему сейчас 27 лет. Он занимается делами отца.

После возвращения из-за границы я вспомнила наконец-то о матери и собралась ее навестить. Лев Наумович хотел меня сопровождать. Но мне хотелось побыть с матерью наедине и я отклонила предложение мужа. Он не стал настаивать.

В машину загрузили подарки, и шофер отвез меня домой, вернее, туда, где я раньше жила...

Мать, несмотря на мои опасения, встретила меня радостно, но от подарков наотрез отказалась. Пришлось шоферу перетаскивать многочисленные пакеты и коробки обратно в машину.

Мы сидели с мамой на нашей кухне и пили чай из стареньких чашек с вишневым вареньем. Я рассказывала о своих впечатлениях, кажется, несколько часов, не умолкая ни на минуту. Наконец я устала от собственной болтовни.

Мама поставила чашку с недопитым чаем на стол и, не глядя на меня, тихо сказала:

– Знаешь, Мариночка, а Сережа в больнице.

– Что?! – выдохнула я. Такое ощущение, что кто-то со всего размаху ударил меня палкой по голове.

– Что с ним?! – повторила я.

– С сердцем что-то приключилось. Я навещаю его. Врачи толком ничего не говорят.

– Но этого не может быть! – выкрикивала я. – Он же молодой! Здоровый! Это неправда!

Ты обманываешь меня!

Мама посмотрела укоризненно и сказала совсем тихо:

– Разве я обманывала тебя когда-нибудь, Мариночка...

– Нет, – согласилась я, – никогда.

Вскочив, я споткнулась о стул, опрокинула чай на свое дорогое платье. Но на все было плевать. Почти бегом я бросилась к двери.

– Ты куда, Мариночка? – окликнула мать.

– К Сереже!

Мать догнала меня у порога и насильно вернула назад.

– Не ходи, – сказала она. – Не пустят тебя к нему. Да и не надо.

– Ну почему?! Почему?! – завопила я.

– Сама знать должна. Не маленькая.

– Но мама! – и я заревела в голос.

Мать подошла ко мне, обняла за плечи и, как в детстве, стала гладить по голове.

– Тихо, девочка моя, тихо, успокойся. Ты теперь замужняя женщина.

– Мама, какая ты старомодная, – вырвалось у меня сквозь слезы.

– Какая есть, что ж теперь поделаешь. А за Сережу ты не беспокойся. Он сильный. Справится.

Мать тяжело вздохнула.

– Я бы и не говорила тебе вовсе, да боялась, что все равно узнаешь от других и в горячке дров наломаешь. Лучше уж так...

Она продолжала гладить мои волосы и раскачивала тихонько из стороны в сторону мое обмякшее тело, точно убаюкивала.

– Все будет хорошо, Мариночка.

– А ты сама в это веришь? – спросила я.

Ответа я не услышала.

Через некоторое время я позвонила мужу и сказала, что у меня разболелась голова и ночевать я останусь у матери. Не знаю, заподозрил ли что-нибудь Лев Наумович, виду, по крайней мере, он не подал, сказал только, чтоб шофера отпустила, и пожелал спокойной ночи.

Утром я вернулась в дом мужа. Но уже ничто не радовало меня. Волшебство закончилось, и я увидела, что у моего мужа вставные зубы и седая голова.

Но делать было нечего, я продолжала жить своей роскошной жизнью, тщательно скрывая разрывающую сердце тоску. Думаю, что даже Лев Наумович не догадывался, как мне тошно в его золотой клетке.

Сын его, Владимир, относился ко мне почтительно, точно я была не девчонкой, которая пятью годами моложе его, а зрелой матроной под стать его папочке.

Каждое утро я просыпалась в ужасном настроении. Порой мне в голову приходила мысль, что нужно уйти от Льва Наумовича и вернуть себе свободу. Но всякий раз я вспоминала нищету, из которой с таким трудом выбралась, и заставляла себя жить в ненавистном доме с опостылевшим супругом, щедрость которого по отношению ко мне не знала границ.

Может быть, и дальше все оставалось бы по-прежнему, если бы однажды, навещая мать, я не столкнулась в подъезде со школьной подругой.

– Маринка! – заверещала она восторженно. – Неужели это ты?! Класс!

– Ленка, – пролепетала я, – а что ты тут делаешь?

– Ну ты даешь, подруга! Совсем что ли память от радости потеряла? – она звонко расхохоталась, – живу я тут! В 34 квартире.

Тут я опомнилась: конечно же, Ленка всю жизнь жила этажом выше нас.

– Прости, Лена, я что-то...

– Да ладно оправдываться. Лучше расскажи, как ты там?

– Нормально.

Ленка снова рассмеялась:

– Нормально, моя дорогая, это не ответ. Скучаешь, небось, по Сереге? – неожиданно спросила она.

Я опешила:

– С чего это ты взяла? Даже в мыслях...

– Ой, какие мы стали правильные, – Ленка состроила умильную рожицу.

– Кстати, – взмахнула она руками, – ты помнишь, что у меня в эту субботу день рождения?

Я только собралась раскрыть рот, как Ленка перебила меня:

– Конечно, где тебе помнить! Короче, приходи ко мне в субботу к шести.

– Вечера?..

– Нет, утра, дорогая! – съязвила она. – И приготовь подарок поприличнее, – Ленка захохотала на весь подъезд. – Придешь?

– Приду, – неожиданно для себя сказала я.

– Можешь и папика с собой захватить, – Ленка не скрывала иронии.

– Лев Наумович не папик, – решительно запротестовала я.

– А кто же он? – поинтересовалась Ленка, бесцеремонно разглядывая мои наряды.

– Он мой муж.

– Ну, муж так муж, – покладисто согласилась Ленка.

Она поднялась на один пролет, обернулась:

– Не забудь, в субботу к шести.

– Не забуду.

На следующий день после ужина я сказала мужу, что собираюсь на день рождения к школьной подруге. Он не возражал. Пообещал помочь выбрать достойный подарок. И не обманул. В тот же день роскошное меховое манто лежало в спальне на моей кровати.

– Это кому? – изумленно спросила я, потому что от мехов уже ломились все мои шкафы.

– Подруге твоей, – небрежно заметил супруг, – кстати, как ее зовут?

– Лена. Она живет в том же подъезде, что и моя мама, в 34 квартире.

Лев Наумович удовлетворенно кивнул головой и вышел из спальни.

В субботу я отправилась на день рождения. Мужа, естественно, с собой не взяла.

Едва войдя в родной подъезд, я услышала громкие звуки музыки, пока я поднималась, несколько раз хлопала дверь, наверное, приходили новые гости.

Раскрасневшаяся Ленка встретила меня в прихожей. Она едва не хлопнулась в обморок, увидев мой подарок.

– Маринка! – заорала она, – ты моя лучшая подруга!

Накинув пальто, Ленка важно прошествовала к гостям.

Минут на пять в гостиной воцарилась тишина, а потом все заговорили разом, перебивая друг друга. Все начали громко поздравлять, но почему-то меня, а не Ленку. Только спустя какое-то время до меня дошло, что меня поздравляют с удачным замужеством. Я натянуто улыбалась. А потом, чтобы отбиться от всех разом, предложила выпить за виновницу торжества. Мое предложение было одобрено единогласно. Запенилось шампанское, послышался звон бокалов.

Гости набросились на закуску с такой жадностью, словно сидели не менее месяца на голодной диете. Громкая музыка и алкоголь отвлекли от меня внимание присутствующих. И вскоре каждый считал себя любимого пупом земли. Меня это вполне устраивало. Я незаметно выбралась из-за стола и скрылась на Ленкиной кухне. Открыв форточку, я закурила. Смотрела в окно и думала: ну зачем меня сюда принесло?

Течение моих невеселых мыслей нарушил тихий звонок в прихожей, такой тихий, что никто, кроме меня не услышал. Я вздохнула, выбросила окурок и пошла открывать дверь.

На пороге стоял Сергей.

– Ты?! – произнесли мы одновременно.

Он неловко топтался у двери, сжимая в руках букет в целлофановой обертке.

Я отступила назад.

– Проходи.

Он зашел, прислонился спиной к входной двери.

– Я к Лене. Она не сказала, что...

– Мне тоже. Ну, здравствуй!

– Здравствуй.

– Как ты?

– Нормально.

– А ты?

– Я тоже.

– Ну вот, – он сунул букет мне в руки.

– Идем к гостям.

– Нет, знаешь, я лучше пойду. Извини, – он открыл дверь.

– Сережа! – вырвалось у меня жалобно.

– Что?

– Не уходи, пожалуйста.

Он пристально посмотрел мне в глаза и не произнес ни слова.

– Сережа! Мне так плохо! – я заревела и уткнулась мокрым лицом ему в грудь.

– Пойдем, – сказал он решительно.

– Куда?

– Выйдем отсюда.

– Мне из этого подъезда уходить нельзя.

– Это еще почему? – изумился он.

– У крыльца машина стоит. Шофер все мужу скажет.

– Даже так, – усмехнулся он.

– Сережа! – отчаяние нарастало во мне, как снежный ком, – Сережа...

– Что?

– Пойдем к моей маме. Она сейчас на работе. А ключи у меня остались... с прежних времен.

– Ты уверена, что хочешь этого? – спросил он, вглядываясь в мое зареванное лицо.

– Уверена, – тряхнула я решительно головой.

Мы спустились в квартиру моей матери и проговорили до самой темноты.

Сережа по-прежнему любил меня. Он простил мне жестокую обиду. А я... я не могла без него жить! Какое счастье снова видеть его! Слышать его голос! Дышать с ним одним воздухом! Время пролетело абсолютно незаметно. Мне нужно было возвращаться домой. Не дай Бог, шофер встревожится и поднимется в Ленкину квартиру.

Мы договорились встретиться через два дня, когда моя мать снова будет на дежурстве.

Так мы начали встречаться снова. Никто ни о чем не догадывался. Время от времени мне приходилось подниматься к Ленке и выслушивать ее болтовню, делая вид, что возобновление дружбы со старой подругой искренне радует меня.

Ленка жила одна. Ее родители с двумя младшими сыновьями переехали в новую четырехкомнатную квартиру. Оказывается, отец Ленки преуспел в жизни и теперь был владельцем нескольких мини-магазинов. Дочери он ни в чем не отказывал, и Ленка жила в свое удовольствие. Для меня оставалось загадкой: почему ее так обрадовало мое меховое пальто? Может быть, дело было не в цене подарка, а просто подруга не ожидала от меня подобной щедрости...

Болтать о своих приключениях Ленка могла без перерыва целыми часами. Меня спасало одно – у Ленки была уйма поклонников и друзей-приятелей.

К общению с девушками Ленка особенно не стремилась. И было не ясно, почему она сделала исключение для меня. Она была красивой и даже очень, но я ведь тоже далеко не дурнушка. По каким-то известным ей одной причинам Ленка конкуренции с моей стороны не опасалась.

Марина глубоко вздохнула и снова полезла в сумку за сигаретами, но, опомнившись, отбросила ее на кресло, стоящее рядом.

– Ленка была не только красавицей, но и умницей, – сказала она с грустной усмешкой. –

Очень скоро подруга догадалась, что служит прикрытием для моих встреч с Сергеем.

– Ты думаешь, твой муженек ни о чем не догадывается? – однажды невинно обронила она.

– Что ты имеешь в виду? – спросила я громче, чем следовало.

– Ладно, не темни. Я о твоих отношениях с Сергеем. Думаешь, я такая дура?

– Что ты, Лена, конечно, нет!

– Тогда почему ты мне с самого начала ничего не сказала, а использовала в темную? – ее губы пренебрежительно скривились.

– Прости, но я не решалась.

– Рано или поздно твой муж обо всем догадается, – заявила она.

– Что же мне делать?! – вырвалось у меня.

– Ну... я могу дать тебе один совет... – протянула она загадочно.

– Какой совет? – спросила я машинально.

Ленка усмехнулась и ленивым движением взяла со стола коробку шоколадных конфет.

– Угощайся, успокаивает.

Она положила в рот сразу две конфеты и, продолжая улыбаться, подмигнула мне густо накрашенным глазом.

– Не бойсь, Лена добрая. Лена поможет.

Я затаила дыхание и молча смотрела на нее.

– Ведь у вас с Сережкой фамилии одинаковые, – заметила она небрежно, – помнишь, вас в школе женихом и невестой дразнили?

– Помню, конечно, – ответила я, не понимая, куда она клонит.

– Вот и скажи мужу, что он твой брат.

– Что?! – я буквально подскочила на месте, – что ты такое несешь?

– Подумай хорошенько, – заметила Ленка, поедая, наверное, десятую по счету конфету.

– Лев Наумович знает, что у меня нет никакого брата! Одна я у матери! Одна!

– Не ори! Я же не говорю, чтобы ты представила его родным братом, а скажем, двоюродным.

– Но...

– Никаких но. Двоюродных братьев и сестер у любого человека – завались, не говоря о троюродных. Просто в наше время родню игнорируют. И, кстати, зря.

– Лена, я не знаю.

– Тут и знать нечего. Фамилии у вас одинаковые. Вот и скажи, что его папаша и твой тятенька – родные братья.

– Но ведь ни у Сережи, ни у меня отца...

– Вот и прекрасно. Уличить во лжи некому. А так... – она бросила на стол опустевшую коробку от конфет, – твой папик рано или поздно вас накроет.

– Он не папик! Сколько раз тебе говорить!

– Ладно, не кипятись. Я пошутила. Конечно, не папик, а уважаемый супруг. Не считая рогов, конечно, которые вы с Серым ему презентовали, – не смогла она удержаться от сарказма.

Как ни странно, но Ленкин авантюрный план запал мне в голову. Чем больше я думала о нем, тем более приемлемым он казался, и, в конце концов, я уцепилась за него, как утопающий за соломинку.

Серезу не пришлось долго уговаривать. Видно, он сильно любил меня, раз на все согласился.

Оставалось уговорить мать. После долгих ссор и моих слез, она согласилась молчать, но участвовать в чем-либо наотрез отказалась.

Глава 3

Морис знал, что разговор в кабинете детектива может длиться не один час. Обычно Волгина не ставила вопрос ребром, предпочитая выслушивать излияния клиента.

Миндаугас не помнил, чтобы интуиция подвела ее хоть раз. Морис догадывался, что Замятина Марина Ивановна заинтересовала Мирославу. Однако чего она хочет от детектива? Делами о разводе Волгина не занималась. Следовательно, можно предположить, что клиентку шантажируют, либо дело обстоит еще печальнее...

Морис посмотрел в окно.

Еще недавно сияющее голубое небо заволокло тучами. Густой снег крупными хлопьями засыпал сад, замороженный тишиной.

Дорожка, расчищенная вчера вечером, снова становилась непроходимой...

Чуткий слух Мориса уловил, как без единого скрипа отворилась дверь в приемную. Он обернулся. Кот Дон, высоко подняв голову и хвост, гордо прошествовал по ковру, издал короткий звук приветствия и запрыгнул Морису на колени.

– Так, его величеству стало скучно в одиночестве, – тихо проговорил Морис и стал нежно гладить породистую голову кота и выгибающуюся спину.

Дон приподнялся на задних лапах и ткнулся мокрым носом в подбородок Морису.

Морис улыбнулся. Он обожал кота и ценил его привязанность, хотя поначалу их отношения складывались нелегко. Избалованный хозяйкой кот не хотел никого признавать, тем более, пускать в свой дом.

Но Морису Миндаугасу было не занимать терпения и упорства, поэтому кот, незаметно для себя, сдался на милость победителя.

А вот Мирослава...

Миндаугас вздохнул. С Мирославой все было гораздо сложнее.

Зачем литовца может занести в Россию?! Тем более, после распада Союза?

Он должен быть сумасшедшим!!!

... Или романтиком...

Для себя Морис выбирал второе.

Миндаугас запустил длинные сильные пальцы в густую шелковистую шерсть кота.

Мурлыканье Дона по громкости и интенсивности напоминало воркование голубя.

Он щурил свои янтарные глаза и терся пушистой щекой о плечо Мориса.

... В глазах Миндаугаса плескалось море. Он видел перед собой песчаные дюны и высокие сосны. Ему вспомнилось, как стоял он на берегу моря, смотрел на волны, набегающие на берег, и строил планы на будущее.

Он обожал город, в котором родился и вырос, любил свою мать, гордился отцом. Даже в страшном сне ему не могло привидеться, что он надолго покинет свой край и родных; что судьба занесет его в город, в котором не было моря, но была река, которой русские гордились и величали не иначе, как Волга-матушка.

Когда Морис впервые увидел Волгу, он был разочарован.

Может быть, река когда-то и была великой, но теперь грязная серая река печально вздыхала в своих берегах, точно взывала к людским сердцам, все еще надеясь на их милосердие.

Но до сих пор ее мольба оставалась не услышанной.

К грязной воде прибавилось новое бедствие – прекрасную набережную, гордость города, точно полчища кочевников, оккупировали кафе, шашлычники и биотуалеты.

Запах жареного мяса сомнительного качества и прочие дурные запахи беззастенчиво заглушали нежный аромат сирени по весне, благоухание жасмина и липы в начале лета. Ни

розы, ни фонтаны, ни ночные душистые табаки и петунии не могли соперничать с дикой беспощадностью современного капитализма.

Мирослава как-то рассказывала ему о набережной своего детства, о долгом любовании Волгой, о чистом песке, о свежеевыкрашенных скамейках и свободном пространстве вдоль чугунной ограды, в просветы которой врывались солнечные лучи и залетал, резвясь, прохладный ветерок.

Слушая Мирославу, Морис представлял другую Волгу, другой парк и чуточку жалел, что не увидел город раньше.

Но, может быть, все поправимо? Исчезнет запах кухни, освободится для прогулок оккупированная палатками набережная и будет властвовать аромат цветов, ветра и воды...

Морис ловил себя на том, что надеялся увидеть все это. А ведь когда-то он приехал в город ненадолго, просто погостить у давнего друга.

Родители Мориса, как могли, отговаривали сына от поездки в Россию.

Мама Миндаугаса – преподаватель и переводчик с французского, пыталась внушить сыну, что отдыхать надо в Европе. И познавательно, и безопасно. Отец был полностью с ней согласен.

От мамы Морис унаследовал живость восприятия окружающего мира, способность к языкам, любовь к искусству, умение ладить с людьми, глубину и яркость эмоциональных переживаний. От отца – огромную работоспособность, хладнокровие и проницательный ум.

В глубине души Миндаугас гордился своей родословной, тянувшейся из глубины веков от древнего рода свободолюбивых и гордых литовских князей.

Под холодной внешностью Миндаугаса скрывалась пылка душа. Но навряд ли кто-нибудь, кроме... Дона, догадывался об этом. Может быть Мирослава? Но она не раз подчеркивала, что ценит в нем проницательный ум и... хладнокровие.

Мирослава. В первый раз он увидел ее на вечеринке, которую устроил его друг.

Молодая женщина с римским профилем и длинными русыми волосами сразу привлекла его внимание.

Его заинтересованный взгляд не остался незамеченным верным другом, который тотчас посоветовал ему держаться подальше от зеленоглазой красавицы во избежание личной драмы.

– Она так опасна? – улыбнулся Морис.

– Очень, – кивнул друг.

– Хотя бы скажи, кто она?

– Мирослава Волгина. Частный детектив.

– Даже так? – удивился Морис, – и что, есть клиенты?

Пряитель кивнул.

– Работы хватает. На нее можно положиться, как на гранитную скалу. Не подведет, не предаст и не продаст, что особенно актуально в наши дни. Но, учти, это в делах, в дружбе.

– А дальше? – улыбнулся Морис.

– Что – дальше?

– Расскажи еще что-нибудь о ней.

– Увы, достоверными сведениями о месте ее рождения не обладаю, – попытался отшутиться друг.

– Ты не хочешь, чтобы я с ней знакомился?

– Не хочу.

– Жаль... – задумчиво обронил Миндаугас.

– Морис, я предупредил тебя. Для нее мужское сердце, что яблоко на ветке. Сорвет, надкусит и бросит.

– По-моему, ты преувеличиваешь, – засмеялся Морис.

– Поверь мне на слово. А, вот и она...

Мирослава села напротив Мориса, даже не взглянув на него.

Миндаугасу это не понравилось. Однако, скрыв разочарование, он представился, – Морис.

– Мирослава, – ответила она, едва посмотрев на него.

– Это правда, что у вас частное детективное агентство?

– Откуда вы знаете?

– Говорят...

– Кто говорит?

– Неважно.

– У вас что – проблемы с трудоустройством? – неожиданно колко спросила она, – или в клиенты напрашиваетесь?

– Не напрашиваюсь, интересуюсь, – губы Мориса дрогнули в улыбке, – может быть, у вас найдется работа для меня?

– А... – протянула она, – найдется. Мне нужен секретарь.

Не обращая внимания на изумленные взоры присутствующих, Морис сказал:

– Хорошо.

По всей видимости и для самой Мирославы его согласие было полной неожиданностью.

Морис прочитал удивление в ее взгляде и, обнажив в улыбке сверкающие белизной зубы, спросил:

– Когда приступать к работе?

– Завтра в девять, – коротко бросила она.

Мирослава не сомневалась, что скоро спесь слетит с бывшего соотечественника и нынешнего иностранца. Однако через некоторое время ей уже трудно было представить, как она могла раньше обходиться без него. Морис легко управлялся с бухгалтерскими делами, компьютером, налоговой инспекцией. Он встречал клиентов и вел документацию.

Покинув дом приятеля, Морис снял квартиру, в которой и жил некоторое время. Вскоре Мирослава предложила ему перебраться в агентство. Он согласился.

Детективное агентство находилось в большом красивом доме. Особняк был окружен дивным садом. Цветники и пруд делали его еще более прекрасным. Все это было личной собственностью Мирославы Волгиной.

Как-то она призналась Морису, что мечтала о таком доме с детства. Мечта осуществилась, но какое-то время Мирослава почему-то продолжала жить в квартире, которая досталась ей от бабушки и бабушки.

Еще одной особенностью детектива было то, что имея новый «БМВ», она продолжала ездить на старой «Волге».

Самым же главным сокровищем Мирославы был кот Дон. Дональд. Пожалуй, ни один король не был столь высокого мнения о своих достоинствах, как этот огромный кот с черной шелковистой шерстью и удивительными глазами.

У всякого, кто являлся к Мирославе, создавалась иллюзия, что кот видит его насквозь. И если хозяйка о чем-то случайно не догадается, то уж кот-то, без сомнения, выведет каждого на чистую воду.

Морису пришлось приложить немало усилий, чтобы завоевать доверие кота.

Теперь они втроем жили в этом райском уголке.

Морису очень хотелось завести собаку, но он об этом пока даже и не заикался.

Мирославе, возможно, его идея и понравилась бы... Но как посмотрит на это Дон?..

Особняк Мирославы был трехэтажным, если третьим этажом можно считать светлую мансарду. За порядком в нем следила приходящая домработница Клавдия Ивановна Рука-

вишниковой, которая жила недалеко в собственном доме. Частенько наводить чистоту ей помогала внучка Ксения.

Клавдия Ивановна боготворила свою работодательницу и с искренней любовью относилась к Морису. Дона она баловала, как и все остальные.

Родители Мориса были далеко. У Мирославы же их не было вовсе. Ее вырастили и воспитали бабушка с дедушкой, память о которых она бережно хранила в своем сердце.

Из близких родственников у Мирославы были две родные тетки – Виктория и Зая, вернее, Зоя и двоюродный брат, которого Морис еще не видел.

У тети Виктории был муж. У тети Зои муж погиб, как тогда говорили, при исполнении интернационального долга. Брат Мирославы, кажется, пошел по стопам отца, хотя, может быть, и не совсем так.

Морис знал, что после защиты диплома Мирослава какое-то время работала следователем. Однако она быстро отказалась от этой затеи по трем причинам, как сама объяснила Морису.

Во-первых, Мирослава не любила выполнять приказы, предпочитая жить собственным умом.

Во-вторых, женщине в мире мужчин трудно, а в России почти невозможно, дослужиться до генеральских звезд.

А в-третьих, ей не нравилось само слово – служить.

Морис ответил на ее признание шуткой: действительно, есть служебные собаки, но кто видел служебных котов?

Мирослава пренебрежительно фыркнула. Она и впрямь была котом, вернее кошкой, которая ходит сама по себе.

– Знаешь что, – парировала она лениво, – мужчины, по-моему, в большинстве своем похожи на... собак.

– Что вы имеете в виду? – внезапно смутился Морис.

– Они хорошо поддаются дрессировке.

– Что?! – Морис собрался возмутиться, но, заметив в глазах Мирославы веселые искорки, махнул рукой.

Мирослава расхохоталась, не в силах больше сдерживать рвавшийся наружу смех.

– Вы неисправимы, – притворно вздохнул Морис.

– Это плохо?

– Не знаю, – улыбнулся он и, став серьезным, добавил: – меня лично устраивает.

– Морис! Ты прелесть!

– Неужели?

– Честное благородное!

... За окном продолжал сыпаться снег, но солнцу удавалось временами пробиваться сквозь облака и тогда снежные хлопья превращались в лепестки кремово-розовые, сливочно-серебрянные, серебристо-голубые...

Ветви деревьев и кустарников давно превратились в махровые кисти. Порой к ним прикасался ветер, и вниз летели серебряные искры снежной пыли, становясь золотыми в желтом свете фонарей.

Тончайшей морозной вязью мерцали на окне январские узоры.

Густая шуба снегопада скрыла следы на дорожке.

Дон свернулся клубком на коленях Мориса и продолжал сладко мурлыкать во сне.

Рабочий день детективного агентства «Мирослава» был в самом разгаре.

Миндаугас за все это время не пропустил мимо ушей ни одного слова клиентки.

Мысленное путешествие по прошлому не мешало ему внимательно следить за настоящим.

Стараясь не разбудить кота, Морис поднялся, переложил Дона на диван и укрыл пушистым пледом. Кот глубоко вздохнул, но глаз не открыл и царства Морфея не покинул... Может быть, ему снилось лето и разноцветные бабочки, а может – печенка, которую Морис собирается приготовить ему на ужин.

Глава 4

– Я слишком долго рассказываю, – неожиданно спохватилась Замятина, – но, понимаете, мне просто необходимо сделать это. Без предыстории вы можете понять все не так.

– Продолжайте, Марина Ивановна, – мягко сказала Мирослава.

– Спасибо. Я... Ах, да, вспомнила. Мать согласилась ни во что не вмешиваться.

Однажды мы возвращались с Львом Наумовичем из театра. У него было великолепное настроение. И я, как бы невзначай напомнила ему, что у меня скоро день рождения.

– Я не забыл, Мариночка, – откликнулся он, – ты хочешь какой-нибудь определенный подарок?

Я ответила, что дело не в этом, просто я хочу пригласить своих родных.

Лев Наумович сказал, что это мое полное право, и я могу приглашать, кого пожелаю.

В этот же вечер я позвонила Ленке и пересказала разговор с мужем.

Ленка искренне обрадовалась и попросила приехать утром.

Сначала я зашла к матери, но она наотрез отказалась принимать участие, как она выразилась, в спектакле. И мы расстались недовольные друг другом.

Я поднялась этажом выше и позвонила. Дверь распахнулась сразу, словно Ленка поджидала меня в прихожей.

Выслушав меня, подруга сказала, что если я приведу в гости одного двоюродного брата, то выглядеть это будет очень подозрительно.

Я была вынуждена согласиться с ней. Мои планы рушились, и сердце обливалось кровью. В отчаянии я заявила Ленке, что уйду от мужа.

– Ну и дура, – спокойно произнесла она, закурила и пододвинула пачку сигарет мне.

Минуты две мы курили молча, а потом Ленку осенило. Она затушила окурок, весело рассмеялась и сказала, – Маринка! У меня потрясающая идея!

Суть ее заключалась в том, что Сергей – мой брат, а Ленка – моя подруга и невеста брата.

– Понимаешь! – воскликнула Ленка, – в этом случае ни у кого не возникнет никаких подозрений! Брат является к сестре со своей невестой! Вопросов нет.

– Но, Лена, я люблю Сергея, а он любит меня, – слабо запротестовала я.

– Ну и любите себе на здоровье! Кто вам мешает?

– А как же ты? – растерялась я.

– Что я? – Ленка передернула плечами.

– Ну... – я не знала, что сказать.

– Для тебя стараюсь, – выручила меня Ленка, – подруга ты мне или нет?!

– Подруга, – согласилась я, – но ты не можешь пойти на такую жертву! То есть я не могу тебя в это впутывать!

– Да брось ты! – махнула она рукой. – Подумаешь, подыграть подруге...

Я молчала. Ленкино предложение было заманчивым, но что-то мешало мне согласиться. Возможно, я ревновала Сережу, хотя знала, что Ленке он абсолютно безразличен.

– Ну, решайся, – сказала Ленка, вытаскивая из пачки вторую сигарету.

– Лена, я боюсь, – вырвалось у меня.

– Ерунда, – отозвалась она пренебрежительно.

И вдруг неожиданно спросила:

– А если бы мне нужна была твоя помощь, ты бы отказала?

– Ну что ты, Лена! – горячо воскликнула я, – конечно, я помогла бы тебе.

– Вот видишь, – довольная улыбнулась подруга, – будем считать вопрос решенным.

Оставалось уговорить Сергея.

Сначала он, как и я, сомневался, говорил, что это бессовестное вранье не доведет нас до добра.

Но Ленка уломала и его, – если ты любишь Маринку, то на все согласишься, а если она тебе до лампочки...

– Я ее люблю, – упирался Сергей, – но ведь она может развестись и исправить свой необдуманный поступок.

– Больно ты умный, – усмехнулась Ленка. – Разойдется она, поженитесь, и на что будете жить? На твои крохи?

– Живут же люди! – не сдавался Сергей.

– Ага, – ядовито согласилась Ленка, – и бомжи живут.

– Ну, знаешь! – возмутился Сергей, – говори, да не заговаривайся!

– Ладно, Сереж, – Ленка примирительно улыбнулась, – переборщила, каюсь. Но для себя, что ли, стараюсь? – она обиженно поджала губы.

– Правда, Сережа, – сказала я, – она же от чистого сердца.

– Вот именно, – подхватила Ленка, – и, к тому же, я не призываю вас вечно обманывать мужа, – она посмотрела на Сергея. – Окончишь свой институт, найдешь работу и женишься на здоровье.

– По-моему, Лена права, – несмело проговорила я, умоляюще глядя в глаза любимому.

– Чует мое сердце, – сделал Сергей последнюю попытку образумить нас, – плохо это кончится.

– Да ладно тебе, Сережа, каркать, – возмутилась Ленка, – свадьбой это кончится, помяни мое слово.

И Сергей сдался.

На мой день рождения они явились с Ленкой вдвоем с огромным букетом цветов, скромным подарком и большим тортом.

Я представила их мужу и пасынку, потом другим гостям.

Пришлось сказать, что мама приболела и прийти на день рождения не смогла.

Гости посочувствовали и тут же забыли о существовании моей мамы.

Стол ломился от обильной еды и выпивки. Один тост следовал за другим.

Я как виновница торжества и хозяйка дома должна была каждому уделять внимание, быть со всеми любезной.

Вскоре моя голова пошла кругом. И только одна единственная пара занимала меня. Ленка и Сергей.

Они играли влюбленную пару с таким мастерством и искренностью, что сердце мое обливалось кровью.

Я успокаивала себя тем, что все это для моего же блага. Но голос разума мало помогал. Незаметно для себя я опрокидывала один фужер за другим. Не замечая встревоженных взглядов мужа, я довольно скоро опьянела. Помню, что меня начал разбирать глупый смех, за которым таились слезы.

И тут Ленка незаметно подплыла ко мне, подхватила под локоток и утащила в ванную.

– Ты что, идиотка, – зашипела она, заперев дверь, – хочешь все испортить?!

Я разразилась пьяным плачем, горько причитая и жалуясь на свою загубленную жизнь.

Ленка включила воду, а потом залепила мне такую пощечину, что я грохнулась бы на колени, если бы не схватилась за край раковины.

– Ага, – не совсем еще пьяная, – зло сказала Ленка и сунула мою голову под ледяную струю воды.

От прически, конечно, ничего не осталось. Но Ленка, высушив мои волосы феном, тут же соорудила новую. Не такую экстравагантную, как прежняя, но... с этой я помолодела и теперь из зеркала на меня смотрела не великосветская дама, а милая девочка лет двадцати.

– Ну вот, – сказала довольная подруга, – а теперь пошли на кухню пить кофе.

– А как же гости? – жалобно пропищала я.

– Гостям теперь не до тебя, – авторитетно заявила Ленка, – они скоро и друг дружку узнавать перестанут, – добавила она цинично.

– Но Лев Наумович...

– Перебьется. Пошли.

И я послушно побрела за Ленкой на кухню.

Возле стола хозяйничала наша прислуга Катюша. Ее веселые глаза и ямочки на щеках умиляли, а способность делать все быстро и аккуратно делали Катюшу незаменимой в прямом смысле слова.

– Так, – сказала Ленка, бросив на девушку оценивающий взгляд, – сделай нам кофе покрепче и побыстрее. И свободна.

Катя приняла ее распоряжения, как должное. И вскоре перед нами дымились чашки с кофе, а дверь кухни была плотно закрыта.

– Лена! Я не выдержу! – вырвалось у меня.

– Глупости. Пей кофе. И вообще, с чего это ты раскисла? Подумай о Сережке.

– Я думаю...

– Пей кофе, – она придвинула чашку к моим непослушным рукам.

Я вздохнула и повиновалась. После третьей чашки стала чувствовать себя гораздо лучше. Мои нервы успокоились, и я даже улыбнулась пару раз.

– Вот так-то лучше, – сказала Ленка. – А теперь пойдем танцевать.

Я согласно кивнула и поднялась из-за стола.

– Сначала танцуешь с мужем, – наставляла Ленка, – потом еще с кем-нибудь и только потом с Сергеем. Поняла?! – спросила она строго.

– Поняла, – ответила я голосом прилежной ученицы.

– Вот и молодец! Пошли, – и она бесцеремонно вытолкнула меня из кухни.

В дверях мы столкнулись со Львом Наумовичем.

– Что с тобой, милая? – заботливо спросил он, беря мои руки в свои.

– Голова разболелась, – ответила я смущенно, стараясь не встречаться с его нежным взглядом.

– Может, врача? – забеспокоился он.

– Да ерунда, – вмешалась Ленка, – из-за матери она переживает. Выпила пару таблеток аспирина. Сейчас все пройдет.

– Может, нам съездить к твоей маме? – спросил Лев Наумович.

– Да ни в коем случае! – возмутилась Ленка, – человек лечится, отдыхает, а вы – тревожить! К тому же, у вас полон дом гостей.

– Да, – прошептала я, – Лена права.

– Лена всегда права, – заявила подруга, ослепительно улыбаясь моему мужу.

И Лев Наумович только сейчас обратил на нее внимание, – вы Лена, – сказал он, – невеста Маринино брата?

– Да, – кивнула Лена, продолжая улыбаться своей самой чарующей улыбкой.

Наверное, улыбка на этот раз была даже слишком чарующей, потому что мой муж неожиданно смутился и пробормотал:

– Спасибо, вам Леночка, за заботу о моей супруге.

– Ерунда, – сказала Ленка, – не стоит благодарности.

– Ну как же, как же...

– Мы с ней с детства дружим.

– Все равно!

– Ну, если все равно, – усмехнулась Ленка, – то в виде благодарности принимается танец.

И не успела я моргнуть глазом, как она утащила Льва Наумовича в гостиную.

Выйдя вслед за ними, я присела на стул. Из указаний Ленки я точно помнила, что должна первый танец танцевать с мужем. Однако теперь с ним танцевала Ленка. Она точно стальным обручем обхватила руками шею Льва Наумовича так, что он не мог повернуть ее ни в одну, ни в другую сторону.

– Марина, – донеслось до меня, как бы издалека.

Передо мной стоял мой пасынок и улыбался. Почему бы нам не потанцевать, дорогая мама...

Я оставила без внимания его иронию, и вскоре мы кружились среди других пар.

– Неважно выглядишь, – заметил Владимир.

– О маме беспокоюсь.

– Может быть, ей пожить у нас? Дом большой, места хватит.

– Она не согласится.

– Напрасно.

Вместо ответа я вздохнула.

– Думаю, не стоит отчаиваться, – в голосе Владимира слышалось сочувствие, – все наладится, ведь твоя мама совсем не старая, – он незаметно пожал мою руку.

– Да, конечно. Ты прав. Спасибо тебе.

– Что за вздор! Мы ведь родственники. Слушай, Марин, а эта девушка...

– Кто? – удивилась я.

– Ну, невеста твоего брата...

– А, Лена...

– Да, Лена. Она чем занимается?

Я пожала плечами, – ничем...

– Совсем? Не учится, не работает?

Я удивленно посмотрела на пасынка:

– А почему тебя это интересует?

– Просто так. На вашей с отцом свадьбе ни ее, ни брата твоего не было.

– Не было, – согласилась я, – пытаюсь унять усилившееся сердцебиение.

– Ты давно с ней знакома?

– Мы вместе учились в школе, – пробормотала я.

– И скоро у нее свадьба с твоим братом?

– Не знаю... – мое сердце ушло в пятки.

К счастью, музыка закончилась, и я, поблагодарив Владимира за танец, вернулась на свое место.

Увидев, что Ленка ждет меня, я помахала ей рукой.

– А твой муж – старичок что надо, – сказала она, усаживаясь рядом со мной.

– Лена! Он не старичок. Ему всего 51 год.

Ленка уже собралась разразиться новой тирадой, но я бесцеремонно перебила ее, – у нас, кажется, осложнения.

– Что? – удивилась она.

– Владимир, мой пасынок, расспрашивал о тебе.

– Ну и что?

– Боюсь, что он что-то заподозрил.

– Глупости, – отмахнулась она беззаботно, – небось, глаз на меня положил.

Я подивилась Ленкиному самомнению, но вслух ничего не сказала.

Снова заиграла музыка.

– Иди к мужу, – Ленка толкнула меня в бок.

Мы танцевали с Львом Наумовичем медленный танец. Он смотрел в мои глаза с кроткой нежностью и время от времени подносил мою руку к своим губам.

Угрызения совести уже давно свили в моей груди змеиный клубок.

Мне хотелось провалиться сквозь землю, чтобы не видеть его доверчивых добрых глаз.

– Ты все еще беспокоишься о маме? – тихо спросил он.

Я кивнула, и слезы выступили на моих глазах.

– Не надо, Мариночка. Я уверен, что она скоро поправится.

И тут я заметила Ленку и Сергея. Они танцевали совсем рядом с нами, самозабвенно уставившись в глаза друг другу. Время от времени Сергей что-то говорил Елене, и она улыбалась.

Глядя на них, ни у кого не могло возникнуть сомнение в их обоюдной влюбленности.

Даже я, зная о том, что это хорошо поставленный спектакль, начала сомневаться в чувствах Сергея ко мне. Что, если Ленка околдовала его своей красотой и уверенностью в себе?

– Красивая пара, – услышала я голос мужа.

Он, по-видимому, проследил за моим взглядом и теперь тоже смотрел на Ленку и Сергея.

А они кружились и кружились, переплетая руки и плотно прижавшись друг к другу.

– Повезло твоему брату, – сказал Лев Наумович.

– Почему? – вырвалось у меня.

– Красивая, умная, решительная у него девушка.

– Да... – растерянно обронила я, покрываясь холодным потом.

– Ревнуешь? – спросил муж.

– Что?! – испугалась я.

– Напрасно, – мягко улыбнулся Лев Наумович, – я бы на такой не женился.

– Правда? – у меня отлегло от сердца, когда я поняла, что он имеет в виду себя.

– Вот уж не думал, что ты такая ревнивая, – заулыбался Лев Наумович.

– Ты Ленке понравился, – сорвалось с моих губ.

– Правда? И что же она сказала?

– Что ты мужчина, что надо, – слово «старичок» я благоразумно заменила на «мужчину».

Мой муж весело рассмеялся и чмокнул меня в щеку.

– Мне, Марина, никто кроме тебя не нужен, – проговорил он, и по его взгляду я поняла, что это так и есть.

– Господи, – подумала я, – что же теперь будет?

... По лицам гостей я поняла, что вечер удался. Было немало выпито, и теперь веселье достигло разгара.

Объявили белый танец. И я увидела, что Ленка решительно направилась к Владимиру. Воспользовавшись случаем, я пригласила Сергея.

– Ты довольна? – тихо спросил он.

– Я – не очень, а ты, кажется, вполне! – не удержалась я от упрека.

– Что ты хочешь этим сказать? – удивился он.

– Я видела, как вы с Ленкой обнимались!

– Не говори глупостей. Ты же сама хотела, чтобы мы представились женихом и невестой. Это же игра!

– Слишком достоверно играете!

– Иначе никто не поверит, спокойно возразил он.

– Ах, так! – разозлилась я.

– Марина, перестань. Хочешь, я сейчас уйду? – спросил он.

– Нет, нет. Прости. Я, кажется, ревную.

– Ну и зря, – улыбнулся он.

И добавил грустно:

– Если хочешь, чтобы Ленкин план не сорвался, то держи себя, пожалуйста, в руках.

– Я постараюсь, – виновато улыбнулась я.

– Никто ничего не должен заподозрить. Ты прекрасно знаешь, что мы с Еленой безразличны друг к другу, поэтому не обращай внимания. Не ты наш зритель, – горько усмехнулся он.

И я поняла, что ему еще тяжелее, чем мне.

... Вечер закончился. Гости разъехались.

Всю ночь я провела без сна. Сидела на подоконнике и смотрела в сад.

Помню, луна была в ту ночь ослепительно яркой. И только к утру начала неохотно бледнеть. И я завидовала луне. Ее свободе, ее бесстрастию.

Замятина прижала руки к лицу и замолчала.

– Думаю, что напрасно, – прозвучал голос Мирославы.

– Что напрасно? – вздрогнула Марина.

– Луне завидовали.

– Не понимаю!

– Что ж тут не понимать, Марина Ивановна, луна свободна только на ваш взгляд.

– Как это? – изумилась молодая женщина, отвлекаясь от своих проблем.

Цель Мирославы была достигнута. Клиентка получила короткий отдых. Накал эмоций невольно ослабел.

Мирослава охотно пояснила: хочет луна или не хочет, но ей приходится вращаться вокруг земли и выполнять, если можно так выразиться, прочие обязанности, наложенные на нее вселенной.

– Да? – удивилась искренне Марина Ивановна, – а я думала... Господи, какая я глупая!

– Ничего подобного, – успокоила ее Волгина, – давайте вернемся к вашей проблеме.

– Давайте, – вздохнув, согласилась Замятина.

Глава 5

За окном кружил снегопад, тихий и неспешный, словно усталый странник, без цели бредущий по свету...

Марина Замятина уронила руки на колени.

– Да, надо продолжать, – горько выдохнула она и посмотрела на Волгину.

– Вы поможете мне? – вырвалось у Замятиной.

– Рассказывайте, Марина Ивановна, – мягко попросила Мирослава.

– Мы стали встречаться с Сергеем, – Замятина разгладила юбку на коленях. – В доме моего мужа. У Ленки. И в квартире моей матери, когда она была на дежурстве.

– Вроде бы все прекрасно устроилось, но мое сердце не знало покоя. И Сергей...

– Что Сергей?

– Он тоже был весь дерганный, – Марина Ивановна усмехнулась, – но роль жениха Ленки он играл прекрасно.

– Вы ревновали?

– Жутко! Хотя и понимала, что это для моего же блага...

– Мы хотели быть вместе, но я была такой идиоткой! Я боялась покинуть дом мужа, где купалась в роскоши. И Ленка все время говорила мне, что нужно подождать.

– И вы ждали?

– Да, тем более, что муж ни о чем не догадывался.

– А вам никогда не приходило в голову, что забота подружки о вас выглядела чрезмерной?

– Нет, – Замятина горько рассмеялась, – я почему-то была уверена в Ленке на все сто.

Правда... – Марина умолкла.

– Что?

– Понимаете, Сергей... Он несколько раз говорил мне, что у Ленки в этом деле свой интерес. Но я отмахивалась от его предупреждений и смеялась в ответ.

Прошло два месяца. И однажды я поняла, что беременна. Я не сомневалась, что ребенок от Сергея. И обо всем ему рассказала.

– Он был рад?

– Да. Очень! И сразу же стал настаивать на разводе с мужем. Он говорил, что сама природа указала нам правильный путь.

Я обещала подумать. И в тот же день все рассказала Ленке. И она всполошилась. Стала убеждать меня дать ребенку фамилию мужа и таким образом обеспечить его будущее. Не знаю, каким образом, но она склонила меня к своей точке зрения. Сергей, узнав о моем решении, пришел в ярость. Он сказал, что больше не позволит делать из себя шута. Я в свою очередь стала обвинять его в эгоизме и отсутствии любви ко мне и будущему ребенку. Скандал получился дикий. Сергей хлопнул дверью и ушел.

Я была в отчаянии. Сама не знаю, как добралась до дома. Поднялась на крыльцо и вдруг почувствовала, что мне плохо. Все поплыло перед глазами, а потом потемнело. Очнувшись в больнице. Муж сидел рядом и держал мою руку в своей. Несмотря на то, что перед глазами еще плыли круги, я заметила, что в его волосах прибавилось седины.

Он сказал мне, что мы потеряли нашего ребенка. Я дико вскрикнула и вновь потеряла сознание. Моя болезнь длилась около месяца. Но и выписавшись из больницы, я плохо спала и вообще чувствовала себя ужасно. Даже то, что Сергей снова стал навещать меня, мало улучшило мое самочувствие. Депрессия, как трясина, затягивала мою душу. Я стала злоупотреблять снотворными и успокаивающими таблетками. Пристрастилась к пиву. Сергей пытался образумить меня. Просил, умолял, угрожал. Но все без толку.

В один из самых мрачных дней ко мне явилась сияющая Ленка и объявила, что они с Владимиром полюбили друг друга и решили пожениться. Я не понимала ни слова из сказанного ей. Сидела, вытаращив на нее глаза, и молчала.

– Неужели ты не рада за меня? – обиделась Ленка.

– Ты серьезно? – спросила я.

Она ответила, что серьезнее и быть не может. И скоро свадьба. Но для начала было решено объявить о помолвке.

Она с хохотом рассказывала мне, как Сергей, страшно обрадовавшись, изображал ярость отвергнутого жениха, дошедшего до последней точки отчаяния.

Я поздравила подругу, но, не услышав в моем голосе энтузиазма, Ленка обвинила меня в неблагодарности. Вот, мол, она для меня шла на любые жертвы, а я...

Под конец она заявила, что мне нужно серьезно лечиться.

Прошло еще несколько дней. Я пребывала все в том же состоянии беспросветной тоски. Муж решил, что нам нужно поехать отдохнуть за границу. Там он покажет меня лучшим врачам и, как заверял Лев Наумович, я снова стану жизнерадостной и здоровой. В ответ я машинально кивала головой.

Была объявлена дата помолвки Лены и Владимира.

Лев Наумович решил, что за границу мы поедем после их свадьбы.

Было раннее утро, но я не спала, лежала, уставившись в потолок, и тщетно пыталась отыскать в нем хоть одну трещину или пятнышко.

Тихо открылась дверь, я подняла голову и увидела Ленку.

– Ты чего такую рань? – спросила я.

– Поговорить надо, – ответила она. Прошла и села на край постели.

Ленка долго рассматривала свои ногти, а потом, виновато моргнув ресницами, заговорила.

– Знаешь, Марина, я думаю, что тебе лучше развестись со Львом Наумовичем.

– Почему? – удивленно спросила я, не понимая, к чему она клонит.

– В этом, конечно, есть и моя вина, – продолжала Ленка, – не удостоив меня ответом.

– В чем? – вырвалось у меня.

– Ну, в том, что ты заболела, – Ленку явно раздражало мое непонимание.

– Ты же видишь, – сердито проговорила она, – что наш план не удался. Ты заболела. Сергей страдает. Ваш ребенок умер, – безжалостно добавила она.

– Не смей! – вырвалось у меня.

– Не кричи. Твой муж того и гляди обо всем догадается.

– Ну и пусть, – ответила я.

– Ты что же, хочешь, чтобы тебя отсюда поганой метлой выгнали?! – неожиданно разозлилась Ленка.

От удивления я подпрыгнула на постели и уставилась на нее во все глаза.

– О себе, что ли, беспокоюсь, – проворчала Ленка, взяв себя в руки.

В моей голове что-то щелкнуло.

– А о ком?! – взвилась я, – забыв о слабости и депрессии.

– О тебе, дуреха! – фыркнула подруга. – Ты только подумай, какой может быть скандал!

– Но ты тоже будешь в нем не последним действующим лицом! – закричала я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.